

Библиографический список

1. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик рабочих России в 1900–1941 гг. Екатеринбург: УрО РАН, 2006.
2. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995.
3. Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000.
4. Davies S. «Us against Them»: Social Identity in Soviet Russia, 1934 – 1941 // *Russian Review*. – 1997. – Vol. 56. – No. 1. – pp. 341–350. [Электронный ресурс]. URL: <http://links.jstor.org/>
5. Гольдштейн Я.Е. Откровенно говоря. Воспоминания, размышления. Челябинск: Рифей, 1995.
6. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 483. Оп. 3. Д. 94. Л. 10.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 254. Л. 245.
8. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 238. Л. 101.

УДК 947.084.8:373 (470.54)

А.В. Чевардин
УГЛТУ, Екатеринбург

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1939 – 1945 гг.

Вторая мировая война, начавшаяся одновременно с новым учебным годом в Советском Союзе, оказала влияние на деятельность Свердловского областного отдела народного образования (облоно). В сентябре 1939 г. учителя в местных школах провели беседы с учениками «о том, как Красная Армия освободила народы Зап. Белоруссии и Зап. Украины от панского гнета». Уральская пионерия активно отреагировала на сентябрьские события. Во Дворце пионеров в г. Свердловске и в Доме пионеров г. Серова был организован сбор подарков и писем для «освобожденных от ига капитализма» детей [1].

К этому времени в Свердловской области насчитывалось 2095 школ: 1526 были городскими, 569 – сельскими. Из них лишь 180 – средними. Общее количество учащихся составляло 432 700 чел. С этим количеством учеников справлялось 12 199 учителей. Только 8809 чел. из них имели высшее образование [2].

Несмотря на внушительность приведенных цифр, имевшегося количества школ все равно не хватало. Как известно, в эти годы Советский Союз

переживал культурную революцию. Руководством страны был провозглашен курс на всеобуч. Партия и Правительство требовали от облоно охвата обучением всех детей, проживающих на территории области. Однако с этой задачей уральские чиновники к началу Второй мировой войны еще не справились. По оперативным данным на 15 сентября 1939 г., «недоохват детей обучением по области составил 9229 чел.» [3].

Более того, ситуация со всеобучем к концу учебного года 1939 – 1940 гг. только обострилась: число детей, не охваченных системой образования возросло почти в два раза. Как оказалось, причины этого увеличения крылись в работе другого советского ведомства – Народного комиссариата внутренних дел. В течение 1940 г. на территорию Свердловской области «в порядке специального переселения» прибыло около 27 тысяч депортированных польских граждан, примерно треть из которых составляли дети [4].

В докладной записке об итогах работы школ Свердловской области за 1939 – 1940 гг. учебный год заведующего Свердловским облоно А. Шарца, изложена причина срыва работы по всеобучу: «...значительная часть недоохвата и отсева за последнее время было за счет нерусских детей, плохо владеющих русским языком, которые прибыли в ряде районов области из других областей и республик страны, особенно из Зап. Украины, Белоруссии и др., которых не смогли охватить учебой». Таким образом, Свердловскому облоно досталось «значительное количество (до 7000 человек) нерусских детей, преимущественно поляков», которые в ряде районов «не составляли компактных групп», а были «распыленные по отдельным школам района». Кроме этого, «в связи с оказанием помощи в освобождении от ига капитализма братским народам Западной Белоруссии и Западной Украины, а также в связи с победой нашей славной Красной Армии над белофиннами в порядке промпереселения» в регион прибыло около 2000 детей переселенцев – евреев, поляков, белорусов и финнов [5].

Перед Свердловским облоно была поставлена задача включить в местную систему образования польских детей, депортированных в Свердловскую область в 1940 г. Местные чиновники имели на этот счет следующее мнение: «Временное включение в русские школы невозможно, т. к. дети, особенно поляки, финны совершенно не владеют русским языком». Необходимо было обеспечить детей обучением на их родном языке. Отсутствие педагогических кадров и учебников не позволяло в короткие сроки разрешить этот вопрос. Однако конкретные шаги все же последовали. Заведующий облоно просил из Москвы санкцию на расширение школьной сети для охвата прибывших на Урал детей: «...вызывается необходимость ... в Ирбитском районе в связи со спецпереселением строительство 3-х школьных зданий на лесоразработках» [6].

О том, как Областной отдел народного образования за год справился с охватом польских детей советским образованием, становится ясно из следующего документа. 29 ноября 1940 г. вышло решение за № 2345/18с

исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся «О мероприятиях по обслуживанию спецпереселенцев-осадников в спецпоселках Свердловской области». В нем отмечалось, что прежнее решение исполкома облсовета за № 6 от 23 апреля 1940 г. некоторыми руководителями хозяйственных организаций так и не было выполнено. Поэтому исполком их обязывает в течение декабря 1940 г. предоставить и оборудовать помещения под медпункты, школы, столовые, детучреждения там, где это необходимо. Исполком обязывал лично заведующего свердловским облоно Шарца в течение декабря 1940 г. обеспечить полный охват начальным обучением детей спецпереселенцев, обеспечить все школы спецпоселков учебно-наглядными и методическими пособиями и школьно-письменными принадлежностями, установить контроль над качеством учебно-воспитательной работы, «обратив особое внимание на политическое воспитание» [7]. Однако и это решение не было выполнено.

Весьма интересны воспоминания самих бывших ссыльных о школьном образовании на Урале в годы войны. В польском спецпоселке Новоницинское Ирбитского района в 1940–1941 гг. была открыта школа. Казимир Омахель стал ее посещать, однако после того, как он спел отцу заученную в школе песню: «Помнят псы - атаманы, помнят польские паны красноармейские наши штыки...», отец запретил сыну ходить в такую школу. Живший в Режевском районе Станислав Пасынкевич посещал начальную школу в спецпоселке. Затем ему пришлось ходить в обычную советскую среднюю школу на лежащую неподалеку железнодорожную станцию Костоусово [8].

В связи с тем, что местное облоно плохо справлялось с поставленными перед ним задачами по опеке над польскими детьми, на помощь пришло польское эмигрантское правительство. Это стало возможно после начала Великой Отечественной войны, когда Польша из врага превратилась в нашего союзника.

Согласно документам на территории Свердловской области в период с осени 1941 г. по декабрь 1942 г., на деньги польского правительства и иностранных благотворительных организаций, открылись следующие учреждения, зарегистрированные в посольстве Республики Польша в СССР. В Березовском районе: 2 детских сада на 220 чел., в Сосьве – детский сад на 60 чел., в Красноуральском районе – 3 детских сада (300 чел.), детдом (15 чел.), дом инвалидов, пункт дополнительного питания (100 чел.), амбулатория с персоналом в 5 чел. Город Красноуфимск – санитарный пункт, Верхняя Тура – детский дом (22 чел.), Пышма и окрестности – 2 детских сада, 2 школы, 1 санитарный пункт, Режевской район – 6 пунктов дополнительного питания (630 чел.), город Ревда – детский сад на 160 чел [9].

Следует отметить, что не всегда такого рода учреждения открывались по согласованию с местными органами власти. Об одной такой «нелегальной» школе рассказывала НКВД советский школьный инспектор

С.В. Шубникова: «Около 20 июля 1942 года мне...было поручено обследовать подготовку школ к зимнему сезону по Режевскому району. Приехав на 46 квартал ...я узнала, что там функционирует школа для детей польских граждан. Районо на открытие такой школы разрешение не давало... Из разговора с учительницей Квятковской я узнала, что дети польских граждан обучаются польскому языку, истории Польши, географии, арифметике... Перед началом и концом урока все дети молятся богу произнося молитвы. Во время обучения детей польскому языку читаются книги религиозного содержания. Иначе говоря, воспитание детей в религиозном духе проходит красной нитью через всю программу школы». Встретившись с польским представителем В. Мерником, школьный инспектор спросила, почему в школе ведется религиозное воспитание, запрещенное в Советском Союзе: «Мерник мне стал доказывать, что бог существует и поэтому детей нельзя оставить без религиозного воспитания» [10].

Однако большинство этих детских учреждений работало очень недолго. Во-первых, на Урале в 1942 – 1943 гг. начинает ощущаться острая нехватка продовольствия, что прямым образом повлияло на их работу: «Основных причин выбытия учащихся из школ три: первое – с конца марта продуктовые фонды, отпускавшиеся в зимние месяцы, на питание учащихся в ряде школ торговцами были сильно сокращены, в сельских районах совсем сняты, а школьные запасы были израсходованы, поэтому горячие завтраки сильно сократились, второе - это тяжелое материальное положение в семье, главным образом из-за недостатка хлеба: учащиеся или уходили на работу, или вынуждены оставаться дома для замены старших членов семьи в хозяйстве, уходивших на работу в производство, совхозы, колхозы, наконец, третья причина, основная: в истекшем учебном году новая школьная обувь на места почти не поступала. Старая обувь, которую ремонтировали в предыдущие годы, настолько поизносилась...» [11]. Таким образом, многие польские подростки, так же как и советские, вместо школ отправились на производство, чтобы получить продовольственные карточки.

Второй причиной свертывания польской системы детских учреждений стал разрыв советско-польских отношений весной 1943 г. Сеть представителей польского посольства в Свердловской области была упразднена, многие активные деятели этой системы арестованы, что окончательно парализовало работу школ, детских садов и др. Вновь полная власть над детьми перешла к Свердловскому облоно.

После коренного перелома в Великой Отечественной войне, начала быстрого продвижения советской армии на запад (лето – осень 1943 г.), из столицы вновь пришли директивы об активизации работы облоно с польскими детьми. Из «Годового отчета о работе школ Свердловской области за 1943 – 1944 учебный год» следует, что в регионе действовали две школы с польским языком преподавания. Школа в пос. Дегтярка Ревдинского района была открыта в сентябре 1943 г. Контингент учащихся состоял из 80 человек.

Из них: 1 класс – 30 учащихся, 3 класс – 25 чел.; 4 класс – 25 чел. Вторая школа находилась в пос. Крутояры Пышминского района. Преподавание в ней было переведено на польский язык в декабре 1943 г. Контингент учащихся состоял всего из 67 человек. Из них: 1 класс – 1 учащийся, 2 кл. – 21 чел., 3 кл. – 16 чел., 4 кл. – 16 чел. В области также появились русские школы с польским языком как предметом: школа № 24 в Первомайском поселке Березовского района и одна школа в Исовском районе [12].

О преподавателях данных учебных заведений облоно отзывалось следующим образом: «В ...школах работают учителя поляки с большим педагогическим стажем работы в Польше. С советской системой школы они не знакомы. Никто из учителей, работавших в польских школах, не состояли членом СПП (Союза польских патриотов – А.Ч.) в СССР». «Некоторые учителя проводят старую официальную воспитательную линию польских школ на родине. Например, в Дегтярской школе учительница Сулимярская воспитывает у учащихся почитание Пилсудского, как создателя польского государства».

Как отмечается в документе, основным недостатком в учебной работе школ для польских детей в 1943 – 1944 учебном году являлось отсутствие программ и учебников. Учителя руководствовались старыми польскими учебниками или составленными лично вспомогательными книжками: «Программный материал в польских школах и по польскому языку в русских школах пройден только приблизительно в той мере, насколько старые польские учебники совпадают с требованиями программ Комитета по делам польских детей в СССР... Такие предметы, как история СССР, география Польши и даже русский язык (в Крутоярской школе) совсем не были включены в учебные планы школ».

В конце учебного года были проведены испытания. Ученики 4 класса Крутоярской и Дегтярской школ писали работы на русском и польском языках. Оценку «пять» не удалось получить никому, «четыре» - семь человек по польскому языку, пять чел. – по русскому языку. Оценку «три» получили шесть человек по польскому языку и пять человек по русскому языку. Остальные одиннадцать человек не справились с работой вовсе. Облоно констатировало, что «знания учащихся по польскому языку удовлетворительные, но чувствуется отсутствие учебников. Орфографические навыки непрочные, учащиеся путают правила польской и русской орфографии» [13].

В конце документа работники облоно подвели итоги своей собственной работы: «В Свердловской области специальное обучение польских детей в 1943/44 году было проведено неудовлетворительно. Во многих районах области польским детям не было возможности обучаться на родном языке. Польские школы, организованные в прошлом учебном году, работали плохо. Главными причинами изложенного состояния является: 1. Отсутствие в аппарате облоно инспектора, знающего польский язык, который

мог бы осуществить постоянный контроль за работой существующих школ и заняться организацией специального обучения польских детей; 2. Формальное отношение некоторых РОНО к вопросу организации польских школ; 3. Трудности с кадрами; 4. Отсутствие учебников и программ для польских школ».

В новом 1944 – 1945 учебном году свердловские чиновники планировали открыть польские начальные школы в Березовском (в пос. Первомайский и в пос. Малиновка), Пышминском (8 квартал ЛГХ) и Режевском (в пос. М. Озера, пос. М. Крутиха, пос. Крутиха и в г. Реж) районах. Должны были ввести преподавание польского языка в русской школе в пос. Костусово. На повестке дня оставалось открытие школ в Красноуральском, Таборинском, Зайковском, Алапаевском, Исовском, Ирбитском, Красноуфимском, Сухоложском, Шалинском, Егоршинском районах [14]. Однако всем этим планам не суждено было сбыться: большинство польских детей были переселены на Украину в начале нового 1944 – 1945 учебного года.

Еще одной важной работой, которой занимался Свердловский областной отдел народного образования в годы войны, была организация и руководство детскими домами региона. За годы Великой Отечественной войны в Свердловской области число воспитанников в них увеличилось с 4 до 16 тысяч чел., количество детских домов возросло с 23 до 113. Одним из них был польский областной детский дом. Он работал с августа 1944 по 28 мая 1946 гг. в пос. Монетный Березовского района. В нем воспитывалось 110 человек [15]. Впоследствии воспитанники детского дома были репатрированы в Польшу [16]. Возглавлял его работу польский еврей Александр Левин [17].

Весь период Второй мировой войны на Среднем Урале принимались директивы, касающиеся польских детей. Сложно привести другой пример внимания и заботы советской власти по отношению к подданным чужого государства – польским детям. Однако этот вопрос был не самым главным в работе Свердловского областного отдела народного образования. И решался он далеко не в первую очередь. На работников облоно была возложена тяжелая работа, от которой зависела судьба многих тысяч детей, как местных, так и вывезенных из европейской части страны. Областным чиновникам приходилось балансировать между многочисленными приказами из столицы и ограниченными местными возможностями.

В работе облоно можно выделить три основных периода работы по изучаемому вопросу: первый (1940 – 1941 гг.) – это вялые попытки создать школьную сеть в районах проживания польских спецпереселенцев. Второй (1941 – 1942 гг.) – активизация работы над созданием сети польских школ и других детских учреждений самими поляками. В этот период Свердловское облоно сотрудничало с польскими представителями, однако пыталось контролировать и корректировать их работу. В третий период (1943 – 1946 гг.)

вновь активизируется деятельность облоно. Им создаются польские школы и классы в некоторых районах области.

Около девяти тысяч польских детей проживали на территории области с начала 1940 по конец 1944 гг. В течение пяти лет чиновникам не удалось создать для них нормально функционирующую сеть детских учреждений, пусть даже в суровых условиях военного времени. Таким образом, решение о полном охвате польских детей советским образованием не было выполнено. Основная причина неудачи крылась в отсутствии педагогических кадров и учебников. Если же сами поляки создавали детские учреждения, и их выявлял облоно, они часто закрывались, так как считались незаконными и не соответствовали советским критериям.

Библиографический список

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 4. Л. 47.
2. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 4. ЛЛ. 44, 97, 98.
3. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 4. Л. 5.
4. Чевардин А.В. Поляки и польские граждане в Свердловской области в 1939–1948 гг. Екатеринбург: БКИ, 2010. – С. 53.
5. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 4. ЛЛ. 9, 89, 104.
6. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 4. ЛЛ. 90, 104.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп.1. Д. 79. Т. 5. Л. 101.
8. Личный архив А.В. Чевардина. Воспоминания К. Омахеля. Воспоминания С. Пасынкевича.
9. Bockowski D. Czas nadziei. Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940 – 1943. – Warszawa: Neriton – IH PAN, 1999. – S. 433.
10. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 43951. Л. 250.
11. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 126. Л. 5.
12. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 130. Л. 28.
13. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 130. ЛЛ. 28, 28 об.
14. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 130. ЛЛ. 36, 36 об.
15. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 27. ЛЛ. 9, 12.
16. Чевардин А.В. Польский областной детский дом в поселке Монетный // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сборник научных трудов. Омск: ОмГАУ, 2010. С. 441 – 445.
17. Левин А. Польский дом на Урале. Пер. с польского Петрушко Ч.Т. Екатеринбург: Полиграфист, 2006.